

Судьба Николая Степановича Трошина не сильно отличается от судеб многих людей его поколения. Художник родился в 1897 году в г. Туле, в семье рабочего самоварной фабрики. Рано осиротев, Николай переезжает в Рязань под надзор и опеку сестры матери, которая, несмотря на молодость, привечает племянника в своём доме на правах собственного ребенка. Художник, для которого дом тёти стал родным, будет с благодарностью помнить об этом потом всю оставшуюся жизнь. Неспешная и сосредоточенная среда тихого быта провинциальной жизни, древние стены Рязанского Кремля, старинные церкви и монастыри в окружении сдержанных красок среднерусской природы создали ту самобытную и удивительно тонкую атмосферу жизни, которую с жадностью впитала юная душа будущего художника. Так как в семье не было никого, кто имел бы отношение к искусству, то и для Николая ничего не предрекало обращения именно к этой профессии. Десятилетним мальчиком он поступает в Рязани в ремесленное училище, по окончании которого он должен был получить должность подмастерья слесарного цеха на Коломенском заводе. Ещё обучаясь в ремесленном училище, качеством и манерой своего рисунка Николай привлёк внимание своего педагога по черчению – Николая Михайловича Дубляковского. Уже тогда пытливым глаз преподавателя сумел разглядеть в мальчике будущего большого художника. Пробудившаяся и всё более осознанная, благодаря влиянию Николая Михайловича, страсть к искусству полностью опрокинула все предыдущие жизненные планы. По совету своего учителя, Николай едет в Пензу, поступать в пользовавшееся тогда известностью Художественное училище при Санкт-Петербургской Императорской Академии художеств. С первого раза поступить не удалось, но на второй год Николай Трошин с успехом проходит все испытания. Там его учителями станут академики Н.Ф.Петров и И.С.Горюшкин-Сорокопудов. Кроме постижения азов художественного ремесла, обучение в училище обогатило молодого ищущего человека соприкосновением с ве-

СВОЙ ПУТЬ Н.С.ТРОШИН (1897-1990)

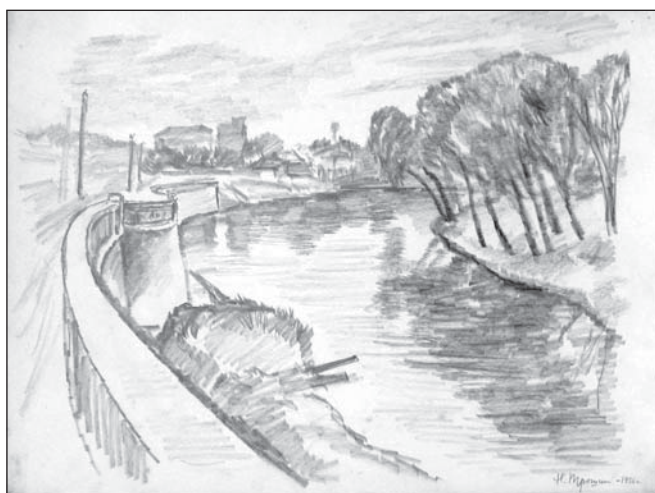

Автопортрет. 1947. Бум., кар. 60x42

ликими культурными традициями предыдущих эпох. Именно тогда у Николая проявился вкус к чтению и изучению истории мирового искусства. Сильное влияние на становление творчества Николая Трошина оказал проживавший в Пензе с 1908 года прекрасный художник и педагог Иван Сильч Горюшкин-Сорокопудов. Молодой художник ещё застал наиболее продуктивный период в преподавательской деятельности учителя, связанный с нарастающим интересом части писателей и художников того времени к жизни и творчеству русского народа, с поиском новых художественных идеалов современности. Это было время не только формирования новых, опирающихся на наследованные вековые традиции воплощений народного духа, но и начало усиленного проникновения модернистских тенденций с искусственным и отравленным рационализмом Запада. Многие молодые студенты, в силу своего возраста, уже тогда были искренне увлечены этими неспровергающими основы экспериментами. Эти новые идеи впоследствии повлияли и на Николая, способствуя выработке его собственного пластического стиля. Пока же молодому человеку требовался только крепкий фундамент, который ему помогали воз-

водить его учителя. Понимание личного педагогического стиля И.С.Горюшкина-Сорокопудова приходит после прочтения ряда его установок, с которыми он обращался к своим ученикам. Выступая перед ними, он говорил: «"Вход" в искусство – это рисунок. Будете рисовать – овладеете тайнами искусства, настоящим художником станете; не научитесь рисовать – в ремесленника превратитесь»¹. Это высказывание педагога, казалось бы, не несло ничего нового в методике преподавания академических дисциплин. Важно лишь то, что сказано это было тогда, когда уже рушился весь строй художественной педагогики, тогда, когда под флагом революционности уничтожались все формы традиционного мировосприятия, но это было позже.

Пока же для Николая Трошина это был период обретения базовых навыков мастерства, становления собственного художе-

Ворошиловград. Набережная. 1936. Бум., кар. 31x42

Шаль. Бум., кар. 31x42,5

ственного мировоззрения, созвучного поискам гармоний «музыкальности» в искусстве учителя. В натурном классе преподавание вёл замечательный русский художник, академик, директор училища Николай Филиппович Петров. Несмотря на личную лояльность по отношению к разного рода экспериментам в искусстве, сам Николай Филиппович оставался всё-таки реалистом. Он тоже требовал от своих студентов повышенного внимания к рисунку: «Прежде чем рисовать, вы намечаете несколько линий контура – это как дыхание, как пульс живого тела, но всё же ищите одну главную линию, обобщающую все эти колебания, которая может дать жизнь рисунку»². Н.Ф.Петрова можно по праву называть не только учителем и руководителем мастерской, где занимался Николай Трошин, но и настоящим жизненным наставником юного художника. В последние годы обучения Николай, вместе с двумя своими товарищами, просто жил в доме своего учителя. Это была прекрасная, открытая и хлебосольная семья. Сам интерьер дома, с красивой мебелью, с множеством книг и картин, настраивал молодых людей на восприятие искусства. Совместные беседы на разные темы литературной и художественной жизни, создавали особую и изысканную культурную среду дома. Ещё обучаясь в училище, Николай Трошин побывал в Москве, посетив в музеях и галереях основные столичные экспозиции и выставки нового западного искусства, где не понаслышке ознакомился с модными тенденциями современного модернизма. Нарастающие скорости грядущего века, предощущение глобальных изменений и катастроф, определяющие саму атмосферу времени, требовало появления новых цветовых и пластических созвучий, т.е. обращения к новому художественному языку, способному передать все особенности современной жизни. Необходимость всего этого почувствовал в Москве молодой, но уже стремящийся к творческой независимости автор. Вдохновившись увиденным, художник начал работать с удвоенной силой, ведь ему ещё только предстояло заявить о себе. Николая заметили и незадолго до окончания училища, совсем ещё юного художника, пригласили участвовать в крупной художественной выставке картин, скульптуры и художественной индустрии в Рязани. До этого времени город ещё не сталкивался с экспозициями такого масштаба. Выставка включала в себя работы 66-ти художников, среди которых были такие мастера, как Ап.М.Васнецов, С.В.Герасимов, С.Т.Конёнков, В.Н.Бакшеев, Н.И.Крылов, С.В.Малютин, Л.О.Пастернак, В.И.Мешков, В.Д.Поленов и др. Это стало поистине важным событием в культурной жизни Рязани. Среди посетителей выставки оказались приехавшие поддержать своих товарищей из Москвы Ф.А.Малявин и А.Е.Архипов. Как Малявин, так и Архипов обратили внимание на работы молодого и одарённого Трошина, оценив его стиль и крепкие профессиональные навыки. «Рисуй каждый день и ты будешь большим мастером!» – с таким напутствием обратился знаменитый создатель «Смежа» и «Вихря» к молодому художнику. Эти встречи и знакомства вдохновили Николая Трошина, вселили в него уверенность в правильности выбранного пути. Окончив училище, к тому времени уже реформированное и изменившее название на ВХУТЕМАС, в 1918 году Николай был командирован новым руководством в Петроградскую Академию художеств для продолжения образования и дальнейшего усовершенствования мастерства. Но и здесь молодой человек нарушил предполагаемый ход событий. Дело в том, что однажды, находясь на каникулах в Моршанске, где жил его отчим, художник познакомился с молоденькой студенткой Училища им. барона Штиглица Ольгой Константиновной Дейнеко. Это знакомство впоследствии много решило в судьбе Николая Степановича Трошина. В разговорах выяснилось, что они оба увлечены поисками форм новой цветовой выразительности, и их обоих привлекает методика преподавания тогда уже очень популярного московского живописца И.И.Машкова. Ольга планировала продолжить своё образование в Москве. Вскоре и Трошин, изменив свои первоначальные планы, решил на поездку в столицу. Ко времени приезда Николая, Ольга Дейнеко уже училась у Ильи Машкова во Вторых Государственных Мастерских. Приехав в Москву и поступив во ВХУТЕМАС, художник погрузился в голодный, холодный, непрерывнодвигающийся и неустроенный мир послереволюционной студенческой жизни. Москва напоминала большую театральную сцену, где калейдоскопом одна буффорская декорация сменяла другую. Уличные выставки «левого» искусства, выставка офортов Рембрандта, выставка икон, постоянные публичные лекции и дискуссии на различные темы – всё это создавало особый фон культурной жизни столицы того времени. Николай и Ольга поначалу с удовольствием окунулись с головой в эту бурлящую и непредсказуемую стихию. Всё вокруг казалось таким свежим, ярким, захватывающим. «...Школа, пройденная в музеях, на выставках современных направлений, не менее важна, чем советы профессоров у мольбертов.»³.

Но, несмотря на сильное желание учиться, помощь и поддержку со стороны близких, в 1920-м году Николай тяжело заболел и вынужден был уехать из Москвы в Рязань, прервав обучение в училище. Спокойная и созерцатель-

Портрет женщины. Бум., кар. 42x32

Маки. Бум., кар. 43x31

ная натура художника с трудом переживала подчас крикливый и напористый пафос первых послереволюционных лет. Николая обуревала только одна страсть. Этой страстью и его истинной стихией было искусство в высших своих проявлениях. Он видел и чувствовал, что у него в искусстве должен быть свой путь, идеалы которого, на тот период времени, он видел в великих достижениях предыдущих эпох. Подтверждение этому можно найти в дневниках художника, которые он вёл в Рязани в 1921-22 годах. В них, помимо описания жизненных впечатлений, мыслей об искусстве и прочитанных книгах, Николай Трошин постоянно пишет о сложности выбранного пути, о недовольстве собой и тем временем, в котором вынужден был тогда жить художник. Вот, например, характерная цитата из дневника художника от 1921 года: «...Трудно и тяжело. Последнее время чаще и чаще приходит на размышление тема – о материальной жизни. Какая-то насмешка над людьми – хотели освободиться от капитала, а освободились только от капиталистов, а рубль сжал человека, смял его нравственное существо сейчас больше, чем когда-либо. У меня в жизни тоже ужасно неопределённо – что, как я буду жить. Искусство, как таковое, сейчас показывает всю свою несостоятельность, всю непригодность к материальному существованию настолько, чтоб быть постоянным...»⁴.

Голод и неуверенность в завтрашнем дне заставили Николая вспомнить о своих корнях и заняться крестьянским трудом. Со стороны местных властей ему был выделен земельный надел под посевы и лошадь для его обработки. Земля помогла Николаю пережить не только голод, но и справиться с личным и творческим кризисом, который настиг его в тот период. В то время художник был чрезвычайно увлечён литературно-философской концепцией Л.Н.Толстого (Впоследствии, в конце 1920-х, Трошин создаст рекламный плакат к собранию сочинений Л.Толстого). С ранних лет Николай был воспитан на базовых христианских ценностях. Посещение храма, участие в богослужениях, осознание себя как частицы соборного общего крепкими корнями роднило его с устойчивой народной почвой. Но как всякий молодой советский интеллигент того времени, а к тому же ещё и художник, Николай мечтал выйти за пределы основных канонов традиционного мировосприятия. Его неокрепшая и мятущаяся душа стремилась к поиску, как ему казалось, чего-то большего. Этот духовный дуализм являлся характерным признаком нарождающейся культурной и исторической трещины, которая обречёт наше отечество на многолетние страдания и бессмысленные поиски самих себя под гнётом чужеродных идей и теорий. Возможно, что увлечение идеями Льва Толстого, самого заблудившегося среди собственных мыслей, тем и привлекали ищущую душу Николая Трошина, что противоречия, которыми были наполнены произведения писателя, были созвучны вопросам и внутренним конфликтам в душе художника. На фоне общей неустроенности, неуверенности в самом себе, постоянных сомнений в правильности выбранного пути, без помощи со стороны, Николаю было очень тяжело вновь обрести основной смысл собственного предназначения. К тому же, рядом не было его самого близкого человека – Ольги Константиновны (Дейнеко). Она, после отъезда Николая в Рязань, ещё какое-то время продолжала занятия, но вскоре покинула мастерскую Ильи Машкова, т.к. её отца по работе командировали на Украину. Николай сильно переживал отсутствие любимой, часто и много писал ей в Москву и на Украину. Несколько отвлекали Николая от грустных мыслей его ученики: находясь в Рязани, Трошин преподавал в рабочей студии. Увлёкшись театром, оформлял спектакли, создавая эскизы костюмов, декорации, и даже лично участвовал в постановках спектаклей: «На дне» А.М.Горького, «Гроза» и «Бедность – не порок» А.Н.Островского и др. В этот период Николай много думает о своём будущем: «...Я ещё не определился как работник в материальном отношении, и потому не смогу заработать достаточно, чтобы существовала семья, да и определюсь ли...Проблемы стоят передо мной, что и перед первобытным человеком – нужно добыть пищи, топливо, жилище, одежду. Пути разные, лёгкие, трудные, честные, гадкие. Но их не избежишь... Пусть люди плывут по карте на испытанных судах, с авторитетными кормчими – я не могу, мне душно и тяжело. И если мою лодку перевернёт волна, как революция, я буду стараться выплыть, так как моя радость жизни будет, по крайней мере сейчас, не совершенство материальное, а совершенство духовное. Крушение материи воспримется легко и безболезненно...»⁵.

В конце 1921 года Николай Трошин всерьёз задумывается о длительной поездке за границу. Его привлекает мысль о возможности жить, меняя места проживания, преодолевая границы, страны и континенты. В дневниковых записях того времени много говорится о необходимости перемещений и свежих впечатлений для развития гармоничной творческой личности. Хорошо это или плохо для судьбы художника, но всем этим мечтам не суждено было осуществиться. В этот период, наряду с изучением Льва Толстого, художник начал глубоко изучать творения Франциска Ассизского, а также теории американских

Лес зимой. Бум., кар. 44x31

Лестница. Бум., кар. 44x31

У воды. Бум., кар. 31x41

представителей представителей американского трансцендентализма Г.Торо и Р.Эмерсона. В рассуждениях Николая появились темы первичных природных универсальных гармоний и поиска единства всего мироздания. В это же время художник принимает решение отказаться от животной пищи и становится вегетарианцем.

В Рязани Николай Трошин часто встречается со своим первым учителем – Николаем Михайловичем Дубойковским. Со стороны давнего друга и мудрого наставника Николай всегда мог получить настоящую помощь и поддержку. В своих дневниках он много пишет о долгих вечерних беседах с учителем на тему жизни и искусства.

В конце 1922 года Николай Трошин вновь возвращается в Москву. В жизни страны произошли видимые изменения. «...Высылка Лениным цвета российской мысли на “философском пароходе” в 1922 году; последовавшее в июле того же года фактическое введение цензуры со стороны ВЦИКа и СНК над всеми общественными художественными мероприятиями; иные подобные акции и, разумеется, многочисленные высказывания Ильича, свидетельствуют об этом столь же красноречиво, как и сталинские репрессии»⁶. В мастерской Ильи Машкова студенты тоже почувствовали эти изменения. Резкий поворот в творчестве учителя, к тому времени вступившего в Ассоциацию Художников Революционной России (АХРР), изменил отношение молодых и ищущих людей и к самому преподавательскому методу мастера. Для Трошина такое изменение в искусстве учителя было неожиданно и необъяснимо. «Не могу, Олечка, не сказать тебе о том, что Машков просто выбил меня из колеи. Теперь я не знаю, нужна ли вообще живопись. Ах, жизнь! Сколько она преподносит сюрпризов!» – делился Николай со своей любимой Ольгой, не в силах скрыть досаду⁷. К тому времени и Ольга Дейнеко, уже тоже бывшая студентка Машкова, ушла и из мастерской Любви Поповой в графическую мастерскую В.А.Фаворского.

Но время менялось. Вместе с ним менялись и ориентиры. В советских учебниках период с 1921 по 1941 год характеризовался, как «период борьбы за победу социализма и упрочение социалистического общества». Выработывался художественный язык нового государственного строя. Внимание власти было остановлено на реализме. «...Приобщенный к культуре, к грамотности, народ предпочитал ясные, жизнеподобные формы искусства. Поэтому реализм получил предпочтение в государственной политике...»⁸. Очевидно, что Илья Машков одним из первых уловил главную назревающую линию в официальном искусстве той поры. Пережив «крушение смыслов» и разочарование, связанное с изменением мировоззрения учителя, Трошин постепенно стал включаться в бурную московскую жизнь.

Теперь ему было проще и приятнее жить, ведь почти всегда рядом была его любимая подруга и советчица – Ольга Дейнеко. Тогда же, Николай принял решение о том, что пора ставить точку в собственной холостой жизни. Во время очередной совместной прогулки по Москве Николай открыл Ольге свои чувства, и она согласилась стать его женой. «Они расписались в ЗАГСе, зашли в магазин и купили два фунта компота – и всё, никаких застолий и никаких “горько!”». Это был воистину “духовный союз”⁹. Единство душ, стремление к творчеству и обоюдное притяжение сделали их союз долгим и прочным.

Вдохновлённый плакатным творчеством М.Черемных, Э.Лисицкого, В.Маяковского, Н.Родченко и Д.Моора, Николай Трошин увлёкся теми широкими возможностями для эксперимента, которые давал плакат, имевший актуальную значимость и к тому же сочетавшийся с ленинским планом монументальной пропаганды. Получив заказ на выполнение эскизов для предприятия «Трансреклама», Николай радостно погрузился в новое для себя дело. У художника в багаже было всё необходимое для полноценного присутствия в плакатном искусстве. Трошин мастерски владел такими составляющими этого вида искусства, как монументальность, декоративность, чёткость в построении изображения и ясность в трактовке поставленного образа. В это же время у Трошина возник серьёзный интерес к технике и возможностям фотографии, позднее он напишет свою знаменитую книгу «Основы композиции в фотографии» (1929). Прекрасные навыки рисовальщика, умение обобщать, использовать неожиданные композиционные решения впоследствии выразились в выработке собственного яркого и лаконичного графического стиля. В общей сложности, Николай Трошин сделал эскизы к более, чем пятидесяти плакатам, часть из которых сейчас находится в ГТГ, ГМИИ, Чувашском государственном художественном музее, Тульском областном художественном музее, а также в частных собраниях. Некоторые из них изготавливались в соавторстве с его женой – Ольгой Константиновной Дейнеко. Это было давнее и обоюдное стремление к совместному творчеству. Работа с плакатом гарантировала постоянные заработки, а это было чрезвычайно важно для молодой семьи, ведь Ольга ещё не окончила курс и продолжала заниматься в мастерской Владимира Фаворского, бывшей в то время одним из наиболее значимых форпостов зарождающейся советской графической школы. В этот период необычайно возрастает значение графики во многих сферах государственной жизни. Художники реализуют себя в самых различных формах этого вида искусства, как то иллюстрация, портрет, пейзажный альбом, плакаты, эстампы, эклибрисы, эмблемы, марки, проекты денежных знаков и облигаций. Параллельно с работой в плакате, Николай

Трошин и Ольга Дейнеко пришли к выводу, что пришла пора полноценно реализовать свою давнюю идею о совместном творчестве. У них появилась мысль выпустить серию детских книг, посвящённых труду. Первой совместной работой стала образовательная книжка под названием «Азбука метрических мер. Книжка-плакат», посвящённая борьбе с неграмотностью в СССР. Позднее появились яркие и красочные произведения: «Хлебзавод №3», «Как свёкла сахаром стала», «Тысяча платьев в день», «От каучука до галоши», «Как хлопок ситцем стал» и др.

В 1924 году в жизни молодых супругов произошло важное событие – у них родилась дочь, которая получила имя Елена. (Впоследствии Елена Николаевна Трошина-Дейнеко тоже, как и её родители, станет художницей.) Появилась потребность в дополнительных заработках, и Николай Трошин помимо плаката, начинает сотрудничать с разными издательствами: «Огонек», «Литературное наследие» и др., где-то, как автор статей («Советское Фото»), но чаще как оформитель. В 1930-м году художник получает предложение участвовать в оформлении нового журнала, предназначенного, в основном, для зарубежной аудитории, – «СССР на стройке». Основной задачей этого журнала было продемонстрировать всему миру силу и мощь СССР в деле достижения успехов построения социалистического общества. Помимо известных художников, редакция журнала включала и лучших представителей литературной публицистики, таких как Михаил Пришвин и Валентин Катаев.

Трошин глубоко и искренне чувствовал своё время. Его творческий расцвет напрямую совпал с героикой индустриального роста Страны Советов – Беломорканал, Магнитка, ДнепрогЭС, Азовобль, Турксиб, Сталинградский тракторный... Это была эпоха великих прорывов, триумфов и ликования. Общий подъём ощущался не только в промышленности, но и в развитии культуры. Работа над журналом давала возможность реализации монументальных экспериментаторских замыслов художника, сформированных в предыдущие годы. Особенностью его искусства в те годы было органическое соединение традиционности и новаторства. «Основополагающим в журнале была композиция, затем я применил принцип “раскадровки”, то есть принцип движения в раскрытии сюжета. Для этого я расчертил все страницы по разворотам, и получилась такая лента, которую я мог охватить в целом», – делился воспоминаниями Николай Степанович¹⁰. В течение более, чем десяти лет Трошин являлся главным художником журнала «СССР на стройке». С его участием в тираж было выпущено сорок пять номеров этого издания, ставшего теперь библиографической редкостью. На Международной выставке в Париже(1937), в разделе «Печать», журнал «СССР на стройке» получил Гран-при.

За время работы над этим проектом Николай Трошин познакомился со многими интересными и творческими людьми. Одним из них был Александр Михайлович Родченко (1891–1956), с которым Трошину посчастливилось работать, конструируя несколько номеров журнала. Творческое сотрудничество с Лазарем Марковичем Лисицким (1890–1941) не просто обогатило Николая Трошина остроумной демонстрацией оригинального художественного видения, но и на долгие годы сплотило их семьи крепкой дружбой. (В военные годы, Николай Степанович много помогал семье Лисицкого, а после его кончины в 1941 году – организацией похорон занимался Н.Трошин – продолжал помогать и его жене, Софье Христиановне Лисицкой-Кюпперс, вплоть до её высылки из Москвы в 1944 г.).

В 1931 году, благодаря одному из своих бывших учеников из рязанской «лаборатории живописи», Николай смог осуществить давнюю мечту – посетить родные места и сделать своего рода репортаж о труде и жизни своих земляков. Это была творческая командировка в рязанские колхозы «Захарьино» и «Восьмое Марта». Вдохновившись глубинной романтикой окружающей их исконной крестьянской жизни, Николай и Ольга с удовольствием принялись за работу. Вскоре собралась целая выставка с красочными, широко и звонко исполненными солнечными пейзажами, а также яркими и светлыми портретами доярок, конюхов, механизаторов и других колхозников. Позже почти все картины были приобретены центральными государственными музеями (ГМИИ, ГТГ и др.).

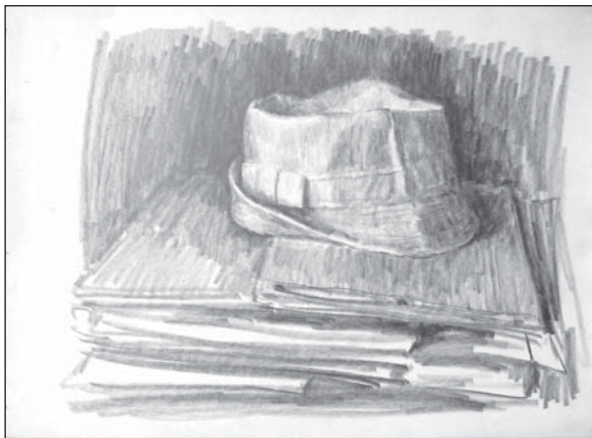
Сотрудничая с издательствами, Трошин не переставая искал и другие возможности для приложения собственного таланта. Очередным проявлением его творческих способностей стало оформление тематических выставок, а также улиц и площадей Москвы к праздникам и торжествам. Это было время наивысшего расцвета монументального оформительского искусства, давшее художникам уникальную возможность с наибольшей убедительностью продемонстрировать свои универсальные творческие возможности. «Впервые в истории искусства средствами декоративного оформления были созданы крупномасштабные художественные образы новой жизни...»¹¹. Работая на этой ниве, Н.С.Трошин стал автором таких ярких и запоминающихся объектов, как павильон Отдела печати на Парижской выставке 1937 года, зала Рязанского края на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке (1939), а также оформителем ряда выставочных проектов: «Пятилетку в четыре года», «Победы первой пятилетки» и др. Тогда же как главный художник он участвовал в праздничном оформлении центральных площадей столицы («Блуминг», «МТС», «Беломорканал», «Волгаканал», «Метро»). Вот комментарий по поводу этих событий из газеты «Советское

искусство» от 08.05.1933 г.: «Чрезвычайным успехом пользовались гигантские макеты Блуминга и МТС на площади Свердлова, исполненные художниками Мусатовым, Трошиным и Родионовым. Был применён новый метод комплексного художественного агитационного показа средствами света, музыкального оформления, радио и изобразительного искусства».

Однажды судьба свела Николая Степановича с ещё одним замечательным мастером. Этим человеком был известный художник-плакатист Дмитрий Стахиевич Орлов (Д.Моор). Трошин часто бывал у него в гостях в квартире у Яузских ворот. Это была настоящая дружба двух ярких творческих характеров. От Моора Николай получал толковые и оригинальные советы по работе над своими проектами и произведениями. Трошин также нередко помогал коллеге, например, участвовал в подготовке его персональной выставки, приуроченной к 25-летию творческой деятельности автора знаменитых плакатов. Много позже, в середине 1970-х годов, Николай Степанович напишет портрет Д.С.Моора на фоне его произведений. Работа продолжалась и в 1937 году: совместно с художниками Д.Моором и С.Сенькиным Трошин оформил Манежную площадь столицы к новому торжеству. Это была аллегория на тему «Изобилие». В 1940-м году, в издательстве «Искусство» вышел художественный альбом, посвящённый Красной Армии, где одним из авторов проекта также был Николай Степанович Трошин. Наступили годы суровых испытаний – началась Вторая мировая война. По решению Союза художников, как и многие другие люди искусства, Трошин был освобождён от мобилизации. Он и его семья жили тогда в маленьком летнем домике недалеко от Абрамцева, под Москвой. В голодные военные годы выживать помогал небольшой сад и огород. Когда немцы стояли под Москвой, в доме у Трошина был расквартирован воинский штаб. Николай устраивал совместные беседы и чаепития с офицерами и не переставая рисовал. Благодаря искусству художник, сильно страдавший от голода и авитаминоза, был способен переносить тяготы и лишения, пришедшие на эти годы. Искусство помогало ему выжить. В 1942–43 годах Николай Степанович, вместе со своей женой Ольгой Константиновной Дейнеко, даже принял участие в выставке «Московские художники в дни войны», представив зрителю выполненные за этот период времени акварели и рисунки. Сохранилась часть рисунков Трошина той поры с изображением аскетичных натюрмортов, интерьера дома, где жил художник, а также с мастерски исполненными портретами бойцов и командиров. В годы войны, как никогда, возросла роль наглядной агитации и пропаганды. Николай Трошин вновь приступил к работе над плакатом. В тот период художник работал в издательстве «Труд». Главной темой произведений тех

лет была оборона и героизм Красной Армии в борьбе против немецко-фашистских захватчиков. Помимо плакатов художник оформлял тематические выставки, связанные с самоотверженным подвигом советского народа. Одной из таких выставок была выставка под названием «Комсомол в Великой Отечественной войне», раздел к которой оформлял Николай Трошин. Помимо макетов и графических средств, использованных в экспозиции, художник с успехом применял возможности кадрирования, ретуширования и фотомонтажа. Несмотря на занятость, Николай не оставлял занятий рисунком. В основном это были чёткие и контрастные графические серии, исполненные мягким карандашом. Темы для рисунков предлагала сама действительность: виды Загорска, Абрамцево, военный госпиталь в Абрамцево, палаты больницы им. Склифосовского, а также проникнутые тонкой поэзией природные пейзажи Подмосковья.

Закончилась война, люди постепенно возвращались в русло мирной жизни. Летом 1946 года, в Клубе писателей (Москва, ул. Воровского, д. 50) при содействии Московского Союза художников, состоялась совместная выставка акварелей и рисунков Николая Степановича Трошина и Ольги Константиновны Дейнеко. Хотелось бы остановиться на этом событии, так как, по сути, это была первая персональная выставка Трошина. На выставке были представлены работы, выполненные художниками в разные годы. Лирические пейзажи, натюрморт, жанровые композиции, военная тема были объединены в одном экспозиционном пространстве. Вот что пишет искусствовед Михаил Сокольников в предваряющей выставку статье: «Вопросы культуры рисунка, как самостоятельной художественной формы, до сих пор остаются в нашем изобразительном искусстве одними из самых сложных и малоразработанных... Выставка только одних рисунков Николая Степановича Трошина – поучительная попытка возбудить интерес к культуре труднейшего вида искусства. Творческий строй художника в этой категории его труда с индивидуальным, таким отличным от стандартно-привычного языком, со своим чувством природы, человека и вещей, позволяет ощутить очарование самобытных качеств рисунка – “источника и души всех видов изображения”, по определению Микельанджело». Как рисовальщика, Трошина отличала особая, присущая только ему необычная манера, наряду с выработанными годами тонким пониманием карандашной техники. Уместно привести ещё одну цитату из статьи Сокольникова: «Что привлекает в трошинских рисунках, и какое чувство они несут зрителю? В этих рисунках – ласкающая мягкость графитного карандаша. Трошин рисует по преимуществу не остриём карандаша, а боковыми гранями графита. Красивый, мягкий тон пронизывает трошинские рисунки, лишённые резких линий и крайних

Шляпа. Бум., кар. 31x4430x43

Сток сена. Бум., кар. 30x43

Тропинка в лесу. Бум., кар. 43x30,5

контрастов цвета. Карандашный цвет звучит у него не свето-теневыми переходами, а всей массой “графитной” краски; свет передаётся в нюансах цветовой массы и часто без использования белых пространств бумаги. В итоге получается своя стильность рисунка, вполне самобытная и отличная от стиля других мастеров рисунка»¹² Среди рисунков, представленных на выставке, особое внимание зрителей и искусствоведов вызвали жанровые композиции и интерьеры – «В дождливый день», «Вечером на даче», «За гладкой», «За рукоделием», «За чтением», «За пианино» и др. Глядя на рисунки Трошина, поражаешься ясному и спокойному восприятию реального мира, чуткости художественного миропонимания и ощущению пластической цельности его произведений. В портретах, созданных художником, зритель находит образы, проникнутые глубоким знанием характеров, человеколюбием, а также тонким психологизмом изображённой модели («Портрет девушки», «Студентка», «Портрет писателя Л.Леонова», «Портрет Лены», «Портрет художника Д.Тархова» и др.). Замечательны также и пейзажи автора, выполненные в одном ему присущей, лиричной и очень музыкальной романтической манере («Окраина Абрамцево», «В Сокольниках», «Старое дерево», «Зимний пейзаж», «Вечереет», «Река Воря», «Ворошиловград. Набережная» и др.). Изображая родную природу, художник, по сути, даже не рисовал, а живописал тончайшие нюансы настроения, оттенки собственных душевных переживаний. В умении передать в рисунке необъятность лесов, а также неброское величие скрытых уголков русской провинции, Николай Трошин обогатил пейзаж, сумев увидеть в неярких и сдержанных красках русской земли особую поэтическую красоту.

Страна постепенно вставала из руин. Начинаясь период кропотливого восстановления почти всех сфер государственной жизни. Всесоюзное Общество культурных связей с зарубежными странами пригласило Николая Степановича к сотрудничеству для оформления советских выставок за границей. Для СССР в тот период было важно продемонстрировать всему миру успехи в послевоенном возрождении страны. В 1940–50-е годы с участием Николая Степановича Трошина были подготовлены и реализованы такие зарубежные выставочные проекты, как: «Возрождение Донбасса», «32-я годовщина Октября», «Как живут и работают текстильщики в СССР», «Высшее образование в СССР» и др. Работая над материалом для этих выставок, Николай Степанович придумал новый способ химической раскраски фотоизображений, впоследствии получив на него патент. Этот метод был вскоре с успехом реализован, благодаря сотрудничеству с НИИ Кино и Фотографии, в последующих проектах таких, как «Электроника и связь» на ВДНХ, «Москва социалистическая» (Музей истории и реконструкции Москвы) и др.

С 1960 года в жизни Н.С.Трошина произошли роковые изменения. Во время работы над очередным заданием, связанным с темой московского метрополитена, художник, находившийся долгое время в шахте, по колено в воде, простудился и тяжело заболел. Активная работа над крупномасштабными оформительскими проектами прекратилась. Из-за болезни у художника сильно пострадали суставы рук, да и общее состояние оставляло желать лучшего. Но Николай Степанович не сдавался этим тяжёлым обстоятельствам и вновь обратился к станковой живописи, как к единственному спасению. Преодолевая болезнь, он в этот период создал множество ярких и жизнеутраченных портретов и натюрмортов, но это был уже другой, отличный от предыдущего этап творческого пути.

Н.С.Трошин прожил в искусстве долгую жизнь. До самого своего конца, он не расставался с красками и старался относиться к живописи с таким же вдохновением и с такой же ответственностью, как и в молодости. Ушёл из жизни Николай Степанович Трошин 28 июня 1990 года, оставив после себя большое творческое наследие, которое ещё только предстоит изучить и осмыслить не одному поколению искусствоведов и художников.

Виталий Лаврушин
(www.artgallerylavrushin.ru)

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Шестимиров А.А. Забытые имена. Русская живопись XIX века. М.: Белый город, 2004. С. 432.
2. Пискун С.Е. Магия цвета. М.: Алгоритм, 2001, С. 37.
3. Ройтенберг О. Неужели кто-то вспомнил, что мы были... Из истории художественной жизни 1925-1935. Москва, Галарт, 2008. С. 70.
4. Николай Трошин. Дневники 1921-22 гг.)
5. Там же.
6. Морозов А.И. Конец утопии. М.: Галарт, 1995. С. 12.
7. Пискун С.Е. Указ. соч. С. 93.
8. Манин В.С. Русская живопись: соч. в 3 т. СПб.: Аврора, 2007. Т. 2. С. 11.
9. Пискун С.Е. Указ. соч. С. 101.
10. Там же. С. 123.
11. Там же. С. 134.
12. Выставка акварелей и рисунков Ольги Дейнеко и Николая Трошина: буклет выставки. М.: МССХ; Т-во «Московский худож.»; Клуб писателей, 1946. С. 11.